

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Анны Андреевны Смагиной
«Филологическая проза в творчестве Д. Андреева»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

«Роза Мира» Д. Андреева как феномен филологической прозы – тема для современного исследователя интересная и новаторская. Книга достаточно хорошо изучена с позиций религиозной философии, эсхатологии, мифопоэтики и житнетворчества, о чем свидетельствуют посвященные ей диссертации и вышедшая в 2010 году антология «Д. Андреев: pro et contra». Попытка системного осмысления «Розы Мира» как явления металитературы в настоящей работе предпринята впервые, чем обусловлена *научная новизна* рецензируемого исследования. Тема диссертации А.А. Смагиной, посвященной вопросам жанрово-видовых контаминаций, синтезу художественной литературы со смежными видами словесности и традициям серебряного века в творчестве Д. Андреева, представляется *актуальной* и полностью соответствующей современной научной повестке.

Предпринятое диссертантом исследование филологического слагаемого в творчестве Д. Андреева восполняет немалое число пробелов в изучении «Розы Мира» и поэтического ансамбля «Русские боги»: в работе систематизированы актуальные для писателя литературные имена и направления, разработана оригинальная концепция его языкотворчества, предложено убедительное сопоставление сочинений автора с произведениями отечественной и мировой литературы. Этими обстоятельствами обеспечиваются *достоверность, теоретическая и практическая значимость* рецензируемой работы.

Если сразу сформулировать главную интригу и одновременно указать на сложность предпринятого А.А. Смагиной исследования, то состоят они, прежде всего, в том, что черты филологической прозы в «Розе Мира», безусловно, присутствуют, но произведение как целое не может быть отнесено к филологической прозе. В современном литературоведении работа получила жанровое определение «метафилософский трактат» (О.А. Дашевская). Иначе говоря, перед диссертантом стояла не только историко-литературная, но и сложная теоретическая проблема описания «Розы мира» как явления одновременно религиозно-мистической и филологической прозы. Остановимся

на ключевых вехах и аналитических ходах исследователя на пути к решению этой научной задачи.

Сразу отметим корректность формулировки темы диссертации: «Филологическая проза в творчестве Д. Андреева». Она позволяет исследовать «Розу Мира» как сложный культурный феномен, в котором соединены черты филологической прозы, религиозной философии, различных литературных традиций. В качестве ключевого теоретического фокуса А.А. Смагина избрала историю и типологию филологической прозы, которым посвящена первая глава работы. Заметно, что диссертант глубоко погружен в историю становления и развития этого направления в отечественной словесности. Затем предпринят опыт классификации. Так, скрупулезное разграничение филологического романа и филологической прозы становится, по сути, самостоятельным исследованием и, на наш взгляд, в дальнейшем может быть использовано при анализе других произведений и в преподавательской практике. Кроме того, предложенная соискателем типология позволяет снять возможный вопрос об отсутствии в «Розе Мира» основных черт собственно филологического романа.

Еще одна трудность, возникающая при рассмотрении труда Андреева в оптике филологической прозы, связана с тем, что практически все образцы этого типа словесности, в том числе приводимые А.А. Смагиной в качестве примеров, представляют собой достаточно однородные тексты, в то время как в «Розе Мира» филологической проблематике посвящена только одна из двенадцати книг – книга десятая «К метаистории русской культуры». В этом разделе Д. Андреевым дана практически полная история отечественной словесности от древнерусской литературы до А. Блока в свете его собственной эзотерической концепции и той миссии, которая закреплена им за писателями – миссии вестничества. Со своей стороны отметим, что знаковым представляется само положение интересующей нас главы в композиции «Розы Мира». Так, первые шесть книг посвящены собственно «методу» Андреева и детальному описанию структуры Земли и ее разноматериальных слоев (Шаданакара), т.е. константам изображаемого мира. Другие шесть книг обращены к метаистории России и объединенного человечества, т.е. динамике этого мира. Филологическая часть работы помещена Андреевым во вторую часть «Розы Мира» между рассказом о Петербургской империи и Советском Союзе, т.е. в хронологическом соответствии серебряному веку. Иначе говоря, интересующая нас десятая книга фактически являет собой текст в тексте, т.е. моделирует в себе произведение Андреева в целом. История России в ней повторяется заново от Древней Руси и вплоть до революции 1917 года, но уже в свете

литературного творчества и художественной рефлексии исторических событий. На наш взгляд, понимание циклической природы книги Д. Андреева позволяет снять многие вопросы, связанные с непохожестью «Розы Мира» на другие образцы филологической прозы. Недаром из всех своих литературных предшественников Д. Андреев особо выделял А. Блока – художника, поэта, которого отчетливо тяготела к цикличности.

К удачным аналитическим решениям, позволяющим говорить о «Розе Мира» как прецеденте филологической прозы, следует отнести описанную во второй и третьей главах систему литературных отсылок и особенностей художественного языка. Вместе с тем термин «гипертекст», избранный А.А. Смагиной для анализа многочисленных цитат, писательских имен, литературных аллюзий и реминисценций, представляется нам не самым удачным с учетом своеобразия привлеченного источника. Культурный и литературный фон в произведении, действительно, чрезвычайно широк и пронизывает книгу в целом, однако, поэтическую структуру «Розы Мира» нельзя в полной мере считать «формой организации текста, при которой его смысловые сегменты представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними» (стр. 62–63), как определяет гипертекст автор работы со ссылкой на Ж. Женетта. Представляется, что система отсылок к литературным произведениям у Д. Андреева по своей функции близка не столько постмодернистским опытам XX столетия, сколько системе цитирования Священного Писания как высшей из всех возможных форм аргументации в рамках религиозного сознания. Андреев активно привлекает письменные памятники различных мировых религий и художественные произведения отечественной и мировой литературы, в которых находит соответствие своей концепции Розы Мира. Так, цитата из стихотворения «В глубоких сумерках собора...» А. Блока столь же твердо подкрепляет его суждения, как и строки Апокалипсиса.

Несомненной эвристичностью обладает, на наш взгляд, тезис А.А. Смагиной о связи поисков нового языка в «Розе Мира» с традициями русского футуризма и, прежде всего, эстетикой и поэтической практикой Велимира Хлебникова и Алексея Крученых (стр. 74 и сл.). Поэты-футуристы создавали свой язык, способный передавать новые философские и метафизические идеи, и стремились к таким формам искусства, в которых бы господствовали звуки, ритмы и ощущения (вспомним также опыты Андрея Белого в этой области). Диссертант убедительно показывает, что изобретенная Д. Андреевым терминологическая и образная система являет собой

эксперимент в традиции серебряного века, когда создаваемый уникальный образ мира требовал от автора нового языка описания. Один из разделов рецензируемой работы посвящен этимологии андреевских окказионализмов. Отдельные реконструкции имен и терминов представляются весьма удачными, но главным результатом этого этимологического исследования все же следует назвать воссоздание языкового и художественного мышления Д. Андреева, подразумевающего изображение объединенного человечества с помощью соединения языков разных мировых культур (древнегреческий, латынь, санскрит, европейские языки). Другой аспект языкотворчества Д. Андреева, также учтенный диссертантом, – это фонетика слова. Непривычные для слуха имена и понятия – Гагтунгр, Жругр, Навна, Звента-Свентана, уицраоры, родомыслы и т.п. воспринимаются не столько этимологически, сколько ассоциативно. Любому читателю ясно и без включенного в книгу «Краткого словаря имен, терминов и названий», что от существ с именами Жругр или Гагтунгр ничего хорошего ждать не стоит. Характерно, что новый язык Андреева формируется изначально в поэтической форме (поэма «Русские боги», привлеченная в диссертации в качестве одного из литературных источников), а затем уже переносится в формат метаисторического трактата. Сам писатель в «Розе Мира» сетовал на «нищету языка» и свои тщетные попытки передать индивидуальный духовный опыт «средствами поэзии и художественной прозы» (Андреев Д. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. М., 1995. С. 86), что и привело его в итоге к найденной оригинальной словесной форме. В свою очередь, хорошо известная трагическая биография писателя снимает некоторую комическую ауру, присущую эксперименту Крученых «Дыр бул щыл», а потому реконструкция традиции русского футуризма в «Розе Мира» потребовала от исследователя особой проницательности.

Наконец, ключевым для понимания феномена «Розы Мира» является параграф, посвященный жанровым традициям видения и откровения и занимающий в композиции диссертации заключительное место (если следовать хронологическому принципу, он должен был, скорее, открывать третью главу и предшествовать параграфу о «Божественной комедии» Данте). Специфика филологической составляющей в книге Андреева заключается в особой позиции рассказчика-визионера, который делится с читателем не результатами интеллектуального труда, «ума холодных наблюдений / и сердца горестных замет», а провиденциальным знанием, полученным за пределами материального мира визуальным и аудиальным путем. В литературе русского зарубежья, как мы помним, сходную стратегию в эти же годы использовал

Б. Зайцев, создавший свою галерею «кандидатов в святые от русской литературы», но избравший в качестве жанрового ориентира не видение, а житие.

Как и всякая работа, в которой по-новому прочитываются известные источники и/или предлагается актуальная методика анализа, диссертация А.А. Смагиной вызывает у рецензента ряд вопросов и замечаний.

1. На наш взгляд, категория дидактизма, роднящая, с точки зрения соискателя, древнерусскую книжность с творчеством Д. Андреева, является несколько неопределенной – особенно с учетом прочных традиций учительности, присущих отечественной литературе в принципе. При таком расширительном понимании дидактизма и отсутствии приведенных в тексте диссертации убедительных параллелей между «Розой Мира» и древнерусскими памятниками возникает вопрос, почему в качестве дидактической литературной традиции не включены словесность XVIII века и многие другие сочинения последующих эпох? Андреев действительно создает собственный персональный миф, альтернативный христианству и другим мировым религиям, и дает ряд духовных и практических советов. Древнерусская литература, напротив, не создает альтернативного учения, а опирается на Священное Писание, при этом ее сюжеты произведений и жанровая система призваны решать множество задач. Думается, дело здесь не столько в дидактике, сколько в сходстве пронизанных символической картин мира, присущих и андреевскому сочинению, и средневековой книжности: образ мира и человека в них предстают ареной для битвы божественных и демонических сил. Потому возможные назидательные слагаемые художественного произведения обусловлены существующими в сознании пишущего представлениями о мире, а не являются целью произведения.

2. Диссертант утверждает, что «Одной из ключевых черт, связывающих “Розу мира” с древнерусской литературой, является стремление к архаизации языка. В древнерусских текстах активно использовались архаизмы и высокие стилистические формы, которые подчеркивали сакральность и важность текста. Например, в “Повести временных лет” Нестора используются архаические формы слов и выражений, такие как “в лето”, “великого князя” и другие, что придает тексту глубину и связь с прошлым. В “Розе мира” Д. Андреев также использует архаизмы и высокую лексику, чтобы создать ощущение сакрального текста. Например, такие слова как “ипостаси”, “страдалища”, “Шаданакар” вводят читателя в мир метафизических понятий, подчеркивая возвышенный характер повествования» (стр. 91). Принципиальная разница между

древнерусскими текстами и «Розой Мира» в том, что средневековые авторы не стремились к архаизации языка и писали, исходя из литературных норм своего времени – используемые ими слова и обороты выглядят устаревшими только с точки зрения современных читателей, напротив того, Д. Андреев, как убедительно показал сам автор диссертации, работал над созданием нового языка, в том числе используя церковнославянизмы и устаревшие словообразовательные модели (из приведенных А.А. Смагиной примеров следует только исключить слово «Шаданакар», которое является неологизмом, а не архаизмом). Тенденциям архаики в модернизме посвящена большая научная литература (см., например, книгу И.Д. Шевеленко «Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России». М., 2017).

3. В начальных разделах диссертации филологический сюжет «Розы Мира» справедливо определяется как «процесс развития отечественной литературы от древнерусской литературы до периода Серебряного века» (стр. 14). Если же говорить о сюжете книги в целом, то он носит отчетливый эсхатологический характер и связан со Сталиным, который, согласно Андрееву, будучи кандидатом в Антихристы, воплощается сначала в советскую эпоху в качестве человеко-орудия Третьего Жругра, а спустя несколько веков – уже в образе самого князя тьмы. С учетом биографического контекста и истории создания книги, написанной во Владимирской тюрьме, «Роза Мира» оказывается в одном ряду с произведениями В. Шаламова, А. Солженицына и других авторов, осужденных по 58-й статье, и определяется задачей описать исторические и социальные катаклизмы той эпохи. Сам Д. Андреев отмечает на страницах произведения, что все предшествующие религиозные системы страдают слабым вниманием к историческому процессу. Отсюда вопрос: каким образом сталинский макросюжет книги соотносится с рассмотренным в диссертации филологическим сюжетом?

Высказанные в настоящем отзыве вопросы и замечания не ставят под сомнение авторскую концепцию и значительный личный вклад исследователя в комплексное изучение филологической прозы и творчества Д. Андреева.

Достоверность результатов и высокая степень обоснованности научных положений обеспечиваются актуальной теоретико-методологической базой исследования, применением соответствующих избранному материалу методов и подходов, широким кругом привлеченных авторов, творчество которых входит в круг интересов Д. Андреева. Апробация результатов исследования нашла свое отражение в научных докладах и статьях различного уровня. Автореферат и статьи автора, опубликованные в том числе в рецензируемых

научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в полной мере отражают содержание и ключевые положения диссертационного исследования.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Филологическая проза в творчестве Д. Андреева» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи по изучению филологической и духовной прозы, имеющей значение для развития филологии и в особенности таких ее направлений, как эстетика и поэтика литературы конца XIX – середины XX века, соответствует паспорту заявленной специальности и отвечает требованиям, изложенным в пп. 9–11, 13 и 14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства РФ от 24.09.2013, № 842). Автор диссертации, Смагина Анна Андреевна, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Анисимова Евгения Евгеньевна,
доктор филологических наук,
10.01.01 – русская литература,
доцент, профессор кафедры мировой литературы
и методики ее преподавания
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева»
660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89
Тел.: (391) 217-17-36.
Официальный сайт: <https://www.kspu.ru/>
E-mail: kspu@kspu.ru

Подпись Анисимович Е.Е. заверяю
Начальник общего отдела Г.И. Мосякина
КГПУ им. В.П. Астафьева

05.08.2025 года